

ДЕПОРТАЦИЯ КАЛМЫКОВ 1943–1944 ГОДОВ ЧЕРЕЗ ВОСПРИЯТИЕ ДЕТЕЙ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

И. В. Лиджиева

Abstract: Автор показывает отражение депортации калмыцкого народа в памяти детей. Источниками стали опубликованные воспоминания, а также полевые записи автора — материалы интервью свидетелей насильственного выселения калмыцкого народа, жителей спецпоселений.

Keywords: калмыки, репрессивная политика, депортация, депортированные народы, спецпоселение, комендатура.

В ноябре 1936 г. VIII-й Чрезвычайный съезд Советов принял новую Конституцию, провозгласив построение в СССР социализма. Но, к сожалению, даже Основной закон не стал препятствием для репрессий. В государстве окончательно сформировался тоталитарный политический режим.

Апогеем этой репрессивной политики стали годы Великой Отечественной войны, когда насильственному переселению подверглись народы и группы населения 61 национальности. Хотя еще в 1923 г. на XII съезде РКП (б) в ответах на поправки резолюции относительно калмыков Сталин писал: «Восточные народы, органически связанные с Китаем, с Индией, связанные с ними языком, религией, обычаями и пр., важны для революции, прежде всего... Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины» (Сталин, 1947: 278).

Правовая система проводимых мер по депортации народов являлась составной частью законотворческой деятельности государственного ап-

парата. Каждой из проводившихся акций по переселению народов соответствовала необходимая нормативная база, придававшая всем этим антигуманным действиям правовой характер. Очевидно, что такие акты в большей мере имели уклон в сторону усиления репрессированных действий в отношении депортированных принадлежавших к различным национальностям и попавших под статус «неблагонадежных».

В современной исторической науке наметилось повышение исследовательского интереса к «малозаметным» повседневным практикам «обычного» человека в «необычных» условиях. Тема депортации не стала исключением. Одним из актуальных направлений в изучении повседневности является обращение к ее детскому аспекту.

В рамках данной статьи нами поставлена цель — показать отражение депортации по этническому признаку в памяти детей, на основе опубликованных материалов, а также полученных в ходе интервьюирования и опросов людей, являвшихся непосредственными свидетелями насильственного выселения и режима спецпоселения. Сегодняшний возраст респондентов колеблется от 64 до 85 лет. Их воспоминания позволяют соприкоснуться с той атмосферой, в которой им пришлось выживать в самый лучший этап жизни каждого человека — детство. Статистические данные неумолимо свидетельствуют о том, что в результате тяжелейших последствий насильственного переселения только в 1945 г. умерли 3 735 калмыцких детей (9,3% и это без учета умерших в пути и в 1944 г.), а родилось в том же году всего 351 ребенок, т. е. смертность превысила рождаемость почти в 11 раз, а в первом квартале того же года — в 25,7 раза (родилось 57 детей) (Максимов, 2004: 270). Именно на их детство выпало немало горечи: война и депортация, но, несмотря на все социальные трансформации, жизнь идет своим чередом, и они — дети депортации, — преодолевая моральные и материальные лишения, не только выстояли, но и сохранили свою этническую культуру.

Согласно Основному закону государства все граждане Советского Союза были наделены равными политическими правами, декларировались важнейшие личные и политические свободы: совести, слова, печати, собраний и митингов, шествий и демонстраций, союзов и общественных организаций, неприкосновенность личности и жилища. Между тем, согласно воспоминаниям непосредственных свидетелей насильственного выселения калмыцкого народа, все эти права только декларировались. Для 9-летней Гали депортация калмыков запомнилась как внезапный приход в дом солдат, которые кричали, толкали ее родителей дулом ав-

томата, «по-русски я плохо понимала, поэтому не могла понять, почему эти чужие люди ругают моих родителей» (Полевые материалы автора, далее — ПМА — № 11). В памяти 13-летней Джиргалы запечатлелись несправедливость и жестокость со стороны тех, кто выселял их с родного дома: «солдаты перегородили дорогу и не дали взять семейные ценности из сундука — серебряную статуэтку Будды, токуги, кольца из драгоценных металлов», а ведь все эти вещи могли значительно облегчить жизнь их хозяев, вынужденно оказавшихся в новых условиях (ПМА, № 12). Но это было только начало...

Перевозили людей в декабрьскую стужу в необорудованных железнодорожных вагонах, предназначенных для перевозки скота. 6-летняя Александра с характерной детской непосредственностью описывает тот холод «Не знаю, как спали мать и бабушка, но мы, дети, спали у них на руках, очень трудно было просыпаться: на ресницах и вокруг рта образовывался лед. Трудно и больно было открывать глаза. Помню, как я выдирала эти сосульки и эту ужасную боль» (Оконова, Настаева, 2013: 209).

За относительно короткое время в пути дети повзрослели, изменилось их отношение к окружающей действительности. Для 12-летней Нины Г. дорога стала пограничным событием: «... я потеряла счет времени, сколько мы едим, бабушка старалась, чтобы я спала, так меньше чувствовался голод. Просыпалась, когда открывали дверь вагона на очередной станции и выносили трупы умерших людей. К ним относились спокойно, а ведь раньше боялись» (ПМА, № 2).

И вот — новое местожительство, определенное беспомощным старикам, женщинам и детям. «Нам, степнякам, в первое время было страшно находиться в тайге, огромные деревья давили на нас, терялась видимость, и запросто можно было заблудиться» (Бакаев, 2013: 180). Сплошные лесные массивы, которые так внушали страх жителям бескрайних степей, со временем стали хорошим подспорьем, дававшим пропитание. Воспоминание Булгун Н., чье детство тоже прошло в спецпоселении, характерно для многих калмыцких детей: «Летом мы калмычата, как и все сибирские дети, научились плавать, собирать ягоды, распознавать грибы, какие можно собирать, какие нет. Насаживая их на прутики, мы их жарили на костре, так и кормила нас тайга» (ПМА, № 7).

У многих респондентов депортация ассоциируют с чувством голода. Для 6-летней Розы Г. приезд в Сибирь запомнился как «голод, кушать было совсем нечего, пекли на плите найденную мерзлую картошку»

(ПМА, № 3), но даже и та была доступна не всем. Тяжелые воспоминания связаны с картошкой у такой же по возрасту Александры: «Лунная ночь. Местные ребята играют в хоккей. Вместо шайбы у них хорошая картошка. Вот мы, дети-калмыки, стоим и ждем, когда они закончат играть. Кончив играть, так сильно бьют по шайбе. Шайба летит в сугроб и мы, голодные дети, кидаемся в сугроб за ней. Помню холод, который пронизывает тебя до плеч колючками, когда ты роешься в сугробе в поисках картошки» (Оконова, 2013: 211). Подростком, оказавшимся в Сибири, Бака П. четко отразил положение калмыков с питанием, особенно в первое время: «Ели картошку и жареный лук, единственное, что нам было доступно. Радовались и этому» (ПМА, № 9).

8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» (Сборник ... , 1993: 113), закрепившее принудительное трудоустройство и ограничение свободного передвижения.

Спецпереселенцы — главы семей или лица, их замещающие, были обязаны в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи. Так, высланные народы полностью оказались во власти спецкомендатур.

По агентурно-осведомительным данным, калмыки преследовались даже за высказанную где-либо вслух мысль об обиде на советскую власть, что рассматривалось как антисоветское выступление. 14-летняя Сяхля М. своими воспоминаниями воссоздала ту атмосферу «в первый же год выучила русский язык, потому что комендант грозил лагерями, когда слышал калмыцкую речь» (ПМА, № 5).

Процесс адаптации в новых условиях, как для взрослых, так и для детей проходил по-разному. У Галины А. теплые воспоминания школе «Мне нравилось учиться, учительница меня хвалила, все время говорила, что калмыки — молодцы» (ПМА, № 10). А для другой девочки обучение

в школе стало еще и самоутверждением в детском обществе: «В школах, в которых я училась, я была единственной калмычкой. Или в диковинку были азиаты для местного населения, или это детская жестокость, но мне часто приходилось отбиваться от школьников которые дразнились и оскорбляли» (Кекеева, 2013: 57).

Но не везде было такое отношение к высланным «В моей памяти не осталось тяжелых воспоминаний о школе. Я училась хорошо, учителя это ценили. Дразнили нас поначалу, и такое бывало. Но я не была робкой, могла и ответить» (Хонгорова, 2013: 512).

Для родившейся уже на спецпоселении Маши Б. запомнилась только одна местная девочка, которая «...все время меня дразнила: “Калмыки, калмыки нету хлеба и муки, картошку едят, понемножку сопят”, — тем самым она пыталась подчеркнуть наше тяжелое материальное положение» (ПМА, № 1).

Но, несмотря на непростой процесс социализации, спецпереселенцы стремились дать образование своим детям, а те в свою очередь проявляли стремление и упорство в получении знаний. «По итогам 1-й четверти, в канун 7 ноября в класс зашла учительница Анна Степановна Котова и объявила, что я единственная отличница в семилетней школе, и на утреннике, посвященном ноябрьским праздникам, мне подарили черный сатиновый отрез» (Зольванова, 2013: 111). Эти воспоминания той первоклассницы, одной из немногих калмыцких детей, проявлявших усердие в получении знаний. Еще один первоклассник вспоминает: «В 1947 году я пошел в первый класс ... закончил с похвальной грамотой. За отличную учебу мне выдали пуд ржи. Отец нес мою премию по деревне, а я гордо шел рядом с ним. И так по четвертый класс я каждый год заканчивал с похвальной грамотой» (Басангов, 2013: 136).

Обучение в старших классах было платным, но, несмотря на тяжелые условия, и родители и дети считали, что необходимо получить образование. Школьница Надя М. собирала ягоды «и выносила продавать их на проходящие пароходы, и было чем за школу заплатить» (Чурюмова, 2013: 585).

Оказавшись поневоле спецпереселенцами, ограниченными в правовом статусе, калмыцкие дети находили способы продолжить обучение, еще и на «отлично». «С первого курса я училась на “отлично”. Поэтому меня не удивляло, что я была выбрана комсоргом группы, потом секретарем комитета комсомола факультета, членом комитета института. Но

Сталинскую стипендию (повышенную и поощрительную) я не получала» (Хонгорова, 2013: 513).

Но не все могли учиться, кому-то пришлось очень рано повзрослеть и стать кормильцем в семье, а у кого-то элементарно было нечего одеть. 8-летняя Зоя М. после смерти мамы осталась единственной опорой для маленького братика, пришлось «рыться на помойках, чтобы как-то с братом выжить» (ПМА, № 6).

Выживать, мириться с ужасными бытовыми условиями помогали мечты, они были связаны с надеждами на лучшую, жизнь, без чувства голода. «Маленькой мечтала быть продавцом, думая, что находиться рядом с товаром значит быть сытой, но стала врачом» (ПМА, № 4). Другая девочка, как и многие другие дети депортации, оставшись сиротой в своих мечтах «хотела стать геологом, но после детского дома дорога была только в ремесленное училище, далее на завод» (ПМА, № 8).

Выжить в тех суровых условиях спецпереселенцам помогали добрые люди, старожилы тех мест или такие же высланные. «До сих пор вспоминаю с благодарностью, как перед выездом на поле по утрам заходил к нам в класс дядя Иван, тогдашний председатель местного колхоза, и отдавал мне свой “полевой” паек» (Убушаев, 2013: 501). Характерно, что большинство опрошенных респондентов, вспоминая свое детство на спецпоселении, выражают благодарность местным жителям, которые в трудную минуту не прошли мимо детского горя, которое не имеет национальности.

Воспоминания как никакой другой исторический источник субъективны. Тем не менее, несмотря на возможные неточности в рассказах, стертые за давностью лет подробные детали, в конечном итоге из них формируется картина нелегкого детства, которая несет на себе отпечаток личности автора. События давно минувших лет через судьбу конкретных людей получают новое освещение. Ведь история — это самопознание человечества, а что может быть интереснее, чем сам человек? Эта галерея детских воспоминаний позволяет обратиться к одному из трагических периодов в истории калмыцкого народа.

Список литературы:

Бакаев, П. Д. (2013) «Навечно» высланный (воспоминания о депортации) // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26-28 ноября 2013 г.). Элиста : КИГИ РАН. Ч. II. С. 178–186.

Басангов, И. Н. (2013) Любовь к родному пепелищу // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста : КИГИ РАН. Ч. I. С. 136–139.

Зольванова, С. Б. (2013) Сибирь — мое детство // Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943-1957). Элиста : ЗАОр НПП «Джангар». С. 110–118.

Кекеева, А. У. (2013) 28 декабря детство у моего поколения закончилось // Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943-1957). Элиста : ЗАОр НПП «Джангар». С. 54–61.

Максимов, К. Н. (2004) Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии 1918–1940-е годы. М. : Наука.

Оконова, Л. В., Настаева, А. Ф. (2013) Дети в депортации: воспоминания о сибирском детстве (к проблеме изучения истории повседневности) // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста : КИГИ РАН. Ч. II. С. 208–215.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий (1993) / Отв. за вып. Е. А. Зайцев. М. : Республика.

Сталин, И. В. (1947) Ответ на поправки к резолюции на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // Сталин И. В. Сочинения. М. : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. Т. 5. С. 276–278.

Убушаев, В. Б. (2013) Через три института // Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста : ЗАОр НПП «Джангар». С. 496–511.

Хонгорова, Е. Б. (2013) Он все равно поднялся в небо // Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста : ЗАОр НПП «Джангар». С. 511–515.

Чурюмова, В. С. (2013) Лучше поздно, чем никогда // Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста : ЗАОр НПП «Джангар». С. 583–587.

Источники

1. Полевые материалы автора (ПМА): Бавуева Мария Санджиевна, 1947 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в марте 2013 г.

2. Полевые материалы автора: Гаврилова Нина Давыдовна, 1930 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в августе 2013 г.

3. Полевые материалы автора: Гынгиева Роза Эльдыевна, 1937 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в октябре 2013 г.

4. Полевые материалы автора: Есенова Валентина Бабаевна, 1950 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в октябре 2013 г.

5. Полевые материалы автора: Есенова (ур. Манцаева) Сяхла Мукабеновна, 1927 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в феврале 2013 г.

6. Полевые материалы автора: Манцева Зоя Владимировна, 1938 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в феврале 2013 г.

7. Полевые материалы автора: Нохаева Булгун Мактеевна, 1930 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в сентябре 2013 г.

8. Полевые материалы автора: Онгульдушева (ур. Басангова) Елена Егоровна, 1936 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в феврале 2013 г.

9. Полевые материалы автора: Питкиев Бака Немаевич, 1934 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в марте 2013 г.

10. Полевые материалы автора: Питкиева (ур. Айтаева) Галина Багаевна, 1940 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в марте 2013 г.

11. Полевые материалы автора: Хулхачиева Галина Манджиевна, 1934 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в сентябре 2013 г.

12. Полевые материалы автора: Шевенова Светлана Ивановна, 1952 г. р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в феврале 2013 г.

Дата поступления: 25.03.2014 г.

DEPORTATION OF KALMYKS IN 1943-1944 OVER THE PRISM OF DEPORTED CHILDREN'S PERCEPTION

I. V. Lidgieva

Abstract: Author's aim was to reflect deportation of Kalmyk people in memories of the children. Article finds its basis in published materials and field notes of author – the interviews and surveys of the people who have been direct witnesses to the violent eviction and special settlements.

Keywords: Kalmyks, repressive policy, deportation, deported peoples, special settlement, commandants office.